

Павел Бурмистров

КИТАЙ: ОТ НОВОЙ СТРАТЕГИИ В АФРИКЕ К ГЛОБАЛЬНОМУ ДОМИНИРОВАНИЮ

Недавно заместитель вице-президента Замбии Лупандо Мвалеона выступила с приветственной речью на церемонии открытия Замбийского Совета по национальному воссоединению Китая. Этот совет был создан по образу и подобию примерно трех десятков похожих организаций, уже существующих в других государствах Африки. Днем ранее в китайской столице прошел торжественный прием в честь 35-летия установления дипломатических отношений между КНР и Руандой, на котором присутствовал спикер парламента Руанды, находившийся в Пекине с 4-дневным визитом. А еще днем ранее Пекин покинул заместитель министра иностранных дел ЮАР Азиз Пахад, пробывший там 5 дней и много говоривший о стремительном укреплении сотрудничества между двумя странами. В день же приезда Пахада в Пекин туда для переговоров прибыл еще один высокий гость с Африканского континента – министр иностранных дел Судана Лам Акол, также в течение 5 дней обсуждавший с китайскими товарищами вопросы наращивания взаимного сотрудничества.

Возможно, каждое из этих событий в отдельности не заслуживает особо пристального внимания. Интересно то, что все они произошли всего лишь за одну неделю, накладываясь и плавно перетекая одно в другое. Причем, эта неделя не была для китайско-африканских отношений какой-то особенной – представители Китая давно привыкли контактировать со своими африканскими коллегами в таком плотном режиме. Надо отметить, что такие тактические встречи и консультации с представителями отдельных стран дополняются стратегическими инициативами Китая в отношении всего континента в целом.

Недавно китайское правительство опубликовало документ, по сути представляющий собой доктрину отношений с Африкой. Помимо впечатляющих планов развития экономического сотрудничества, полностью подтверждающихся реальными масштабами и темпами роста экономического присутствия Китая в Африке, он содержит такие ключевые обороты, как «создание нового мирового порядка» и «стратегическое партнерство нового типа»,

явно указывающие на стремление Китая играть ведущую роль в глобальной политике. Этот документ заставляет обратить внимание на такую совершенно неосвещенную в российских СМИ тему, как китайская политика в Африке. Между тем, даже беглый взгляд на развернувшуюся в последнее время деятельность Китая в Африке позволит сделать вывод о том, на каком широком фронте Китай продвигается к глобальному лидерству. Похоже, Пекин сделал очередной незаметный, но очень многообещающий ход на «великой шахматной доске», представляющий собой заявку на обретение в не столь отдаленном будущем статуса мировой сверхдержавы.

В последние годы Китай все чаще оказывается в центре внимания мировой прессы, пишущей на экономические, политические, геополитические, культурные темы. Причем, год от года это внимание возрастает темпами, едва ли не сравнимыми с поразительными темпами роста китайской экономики. Даже в России, переживающей в последние пятнадцать лет период упадка международной журналистики, регионализации сознания и сужения сферы интересов в области глобальной политики, Китай является, пожалуй, единственной азиатской страной вне СНГ и помимо Ирана, неизменно и зримо наращивающей свое присутствие в информационном поле. И тем не менее темпы развития Китая явно превосходят темпы роста внимания отечественных СМИ к различным аспектам этого развития.

Мы в целом можем составить себе некоторое представление о том, что происходит в отношениях Китая с нашей страной и мощнейшей державой современности — США. Меньше, но все же кое-что сообщается об отношениях Китая со странами дальневосточного региона (почти все, впрочем, приходится на Японию) и «полюсами» второго порядка (прежде всего, ЕС). И этого, наверное, было бы вполне достаточно, будь Китай просто важной державой регионального масштаба. Характер освещения китайской тематики в СМИ и создает о Китае такое впечатление. Однако взгляд на другие аспекты деятельности Китая на международной арене, не связанные напрямую с российскими интересами, заставляет оценить нынешний и потенциальный статус Китая совершенно иначе. Активность Китая в мире значительно шире, чем можно себе представить исходя из сообщений российских, да и, наверное, вообще СМИ любого другого государства. Она в наши дни приобретает такие масштабы, что впору говорить о стремительном превращении Китая в глобальную державу в полном смысле этого слова. Китай сейчас не только наращивает свое влияние на каких-то конкретных направлениях, но, что намного важнее, делает это на самых различных направлениях, на большинство из которых мы зачастую даже не обращаем внимания. Это невнимание искажает представление о важных параметрах роста китайского могущества в мире и соответствует китайской стратегии «незаметного доминирования», что, безусловно, на руку Китаю, но едва ли совершенно безопасно или безразлично для России.

Мало кто задумывается о том, что общего может быть у Китая с Африкой и как это общее, если оно все-таки есть, может повлиять на глобальный рас-

клад сил. А вот сам Китай недавно задумался об этом очень серьезно и системно. Некоторые результаты этого можно наблюдать уже сегодня, но их анализ позволит сделать вывод о том, что завтра отдача будет значительно больше.

Итак, в январе китайское правительство выпустило документ, теоретически обосновывающий отношения с африканскими странами. Показательно, что это второй документ подобного рода, опубликованный китайским правительством. Первым же документом, где подробно излагается детализированная концепция отношений с одним из регионов мира, стала вышедшая в 2003 году концепция политики в отношении Европейского союза.

Второй (январский) документ преследует цель представить миру задачи китайской политики в отношении Африки, меры по их достижению и предложения Китая по развитию сотрудничества со странами региона в различных областях в ближайшие годы. Он позволяет сделать вывод о том, насколько основательно Китай взялся за дело.

В разделе, посвященном месту и роли Африки в мире, китайское правительство не скупится на похвалы африканским странам, играющим важную и постоянно возрастающую роль в международных делах и «после долгих лет борьбы освободившим себя от колониального гнета, победившим апартеид, завоевавшим свободу и независимость, внеся тем самым значительный вклад в развитие цивилизации». Этот раздел представляет собой типичный образчик традиционной китайской дипломатической школы, для которой при необходимости характерно использование в отношениях с партнерами выражений самого высокого уважения, часто граничащих с откровенной лестью. Можно себе представить, какое действие производят на президентов нищих маленьких африканских государств слова о «значительном вкладе» африканского национально-освободительного движения в развитие мировой цивилизации, звучащие из уст представителей Китая, чье население и ВВП больше, чем во всех африканских странах вместе взятых, и чья собственная цивилизация насчитывает более пяти тысяч лет. Тем не менее Китай не стесняется открыто выражать самое глубокое восхищение африканскими государствами, зная, что это будет способствовать продвижению его стратегических интересов в мире.

Из этого органично вытекает еще одно преимущество китайской дипломатии в отношении Африки, используемое в следующей главе документа и выгодно отличающее Китай от Запада. В документе говорится об общности исторической судьбы Китая и Африки, под которой однозначно подразумевается обременительная и унижительная зависимость от европейских держав в период их колониального господства, нанесшая и Китаю, и Африке большой урон и сильно затормозившая их самостоятельное развитие. Этим аргументом Китай, умело манипулируя национальными чувствами африканцев, ставит себя на одну доску с ними, противопоставляя их США и Европе. Схожую аргументацию Япония положила в обоснование своей экспансии в Юго-восточной Азии в 30-40-х гг. прошлого века, проводившейся под лозунгом «освобождения Азии от европейских варваров», и надо сказать, что, по крайней мере, поначалу эта аргументация имела определенный

успех. Что же говорить о Китае, который аргументирует таким образом не военную агрессию, а экономическую, научно-техническую помощь и необходимость взаимного поощрения инвестиций. И пусть Китай, никогда полностью не попадавший в колониальную зависимость от Запада, несколько лукавит, указывая африканцам на общность исторических судеб, от этого данный их аргумент не становится менее лестен африканскому уху.

В третьем разделе, посвященном китайской политике в отношении Африки, излагаются основные принципы этой политики, где на первом месте стоит принцип искренности, дружбы и равенства, который расширительно толкуется в документе как уважение независимого выбора африканскими странами собственного пути развития. В этом еще одно преимущество Китая перед западными странами в борьбе за влияние в Африке. Именно по поводу него больше всего негодует западная пресса, пишущая об африканской политике Китая. Китай, в отличие от Запада, провозглашает невмешательство во внутривнутриполитические дела африканских государств и на деле следует этому принципу. Его не интересует ситуация с соблюдением прав человека, свободой слова, фальсификациями выборов и коррупцией в Африке. Он не критикует официальные режимы, с которыми поддерживает (таких на данный момент 47 из 53 африканских государств) или собирается поддерживать дипломатические отношения, и не увязывает вопросы экономического и гуманитарного сотрудничества с соблюдением прав человека, что сплошь и рядом является препятствием для развития аналогичных американо- и европейско-африканских связей. Это неоспоримое конкурентное преимущество Китая перед Западными странами, которые, выдвигая политические условия сотрудничества, сами сильно сужают свои возможности по укреплению своих позиций в Африке. Ясно, что, при прочих равных условиях, а зачастую даже и при более скромных предложениях Китая, практически любой африканский режим предпочтет иметь дело с китайцами, не навязывающими лишних обязательств и не раздражающими авторитарных африканских лидеров своей «демагогией о правах человека». И пусть, проводя такую политику, Китай рискует создать новые поводы для западной критики за равнодушие к правам человека, количество таких упреков не перерастет для Китая в качество, а потому игра для него явно стоит свеч.

Самой детализированной главой в этой концепции является глава, посвященная усилению всестороннего сотрудничества между Китаем и Африкой, занимающая две трети документа. Сотрудничество предлагается развивать по самому широкому спектру направлений. В политическом плане — это визиты на высшем уровне, обмены парламентскими делегациями и обмены на партийном уровне, создание двусторонних комитетов по различным вопросам на парламентском и министерском уровнях, обмены по линии региональных властей. В экономическом — сотрудничество в сфере торговли, инвестиций, финансовой кооперации, сельского хозяйства, развития инфраструктуры, разработки и использования природных ресурсов, туризма, снижения долгового бремени стран Африки перед Китаем и экономи-

ческой помощи. В стратегии также упомянуты аспекты развития сотрудничества по самому широкому кругу вопросов в таких областях, как образование, наука, культура, здравоохранение и другие вопросы социальной сферы. В сфере международных отношений особо выделяются два аспекта. Во-первых, единственным политическим условием развития взаимоотношений Китай называет признание своими африканскими партнерами «принципа одного Китая» и непризнание Тайваня в качестве независимого государства. Впрочем, поскольку это условие, по существу, не имеет отношения к внутренней политике стран Африки и не носит для них принципиального характера, оно воспринимается как весьма необременительное и легко принимается. Для Китая же это, напротив, стратегический вопрос, представляющий исключительную важность. Он рассматривает признание этих принципов более чем полусотней суверенных государств мира как весьма важный шаг на пути к полному международному признанию Тайваня своей провинцией как де-юре, так и де-факто. При этом Китай не смущает, что внешнеполитический вес африканских государств крайне низок. С точки зрения международного права, все суверенные государства равны между собой. Кроме того, поглощение Тайваня для Китая – это ведь не вступление в ВТО, куда невозможно попасть, не договорившись со всеми и, прежде всего, с самыми «весомыми» членами организации, включая США. «Самые «весомые», включая США», все равно на это поглощение не согласятся, и его надо будет проводить волевым односторонним решением без какого-либо «международного консенсуса», и в этот момент ссылка на то, что это поглощение одобряется десятками суверенных государств, формально придаст Китаю больше международной легитимности в этом вопросе, чем если бы его вообще никто не поддерживал.

Во-вторых, постоянно отмечается необходимость координации позиций по различным проблемам международной политики в рамках ООН, защиты целей и принципов Устава ООН и взаимное стремление к приданию ООН большей роли в международных отношениях. За этими нейтральными словами стоит, прежде всего, недовольство Китая и Африки претензиями США на единоличную глобальную гегемонию, которая в последние годы все чаще проявляется в попытках принизить роль ООН в мире. Снова здесь позиции Китая и Африки оказываются схожи, и снова они вступают в противоречие с позицией США, что является еще одним китайским аргументом в привлечении симпатий африканских государств на свою сторону.

Эти симпатии важны для поднятия престижа Китая в глазах мирового сообщества и его авторитета в международных делах, важны для глобализации его интересов и влияния, для создания в будущем вокруг себя системы сателлитов, группы стран по образу тех, которые в американских стратегиях национальной безопасности именуется «друзьями и союзниками». Китай не боится браться за «черную работу», кропотливо занимаясь укреплением своего авторитета и своих позиций в нескольких десятках стран, значительная часть которых относится к категории наименее развитых и чьи национальные бюджеты могут быть меньше бюджетов крупных китайских компаний.

Во-первых, среди них есть такие гиганты, как Нигерия с ее стоимиллионным населением, огромными топливно-энергетическими ресурсами и относительно динамично развивающейся экономикой. А во-вторых, Африка это не единственный регион мира, где Китай успешно кует предпосылки для своего будущего глобального доминирования. Еще раньше эта работа началась в Юго-восточной Азии, где выходцы из Китая контролируют от половины до 90 % экономик таких успешно развивающихся государств, как Сингапур, Индонезия, Малайзия. Африка — это лишь первый серьезный и целенаправленный шаг за пределы своего региона, где Китай уже сейчас постепенно становится главным экономическим центром притяжения.

Но конечно, Китаю нужны далеко не только симпатии Африки, хотя и это важно для государства, примеривающегося постепенно к роли глобальной сверхдержавы. Африка интересует Китай и как источник ресурсов для его бурно развивающейся промышленности, и как потенциально огромный рынок сбыта для китайских товаров. Уже сейчас Китай импортирует 28 % потребляемых им нефти и газа из стран Африки южнее Сахары, тогда как для США этот показатель составляет только 15 %. При этом Китай намерен активно развивать сотрудничество с африканскими экспортерами нефти и впредь. Китай уже ввозит в Африку товаров на сумму в несколько раз большую, чем США, причем, как и США, он поставляет в Африку в основном продукцию обрабатывающей промышленности. История повторяется — это уже было в отношениях Великобритании и Индии, России и Средней Азии. Конечно, нет оснований говорить о начале нового витка глобальной колонизации, теперь уже под предводительством Китая, однако, очевидно, что при нынешних темпах развития китайской экономики и укрепления китайских позиций на континенте, африканские страны рискуют уже не в столь отдаленном будущем попасть в сильную торгово-экономическую зависимость от Китая. Это, следовательно, приведет к существенному ослаблению традиционно сильных в регионе позиций США и Европы, а значит, и их позиций в мире в целом.

Что особенно важно, китайская доктрина в отношении Африки не является пустой декларацией о намерениях. Она отражает реально существующую динамику развития, прежде всего, экономических взаимосвязей, хотя помимо экономической статистики, она подтверждается еще и статистикой различного рода контактов на высшем и высоком уровне, свидетельствующей о настоящем буме взаимного интереса ко всестороннему сотрудничеству.

Товарооборот между Африкой и Китаем растет опережающими темпами по отношению к ее товарообороту с США и Европой. Объемы товарооборота также впечатляют. По данным китайских официальных источников, только за 10 месяцев прошедшего года товарооборот между Китаем и Африкой вырос на 39 % и достиг величины более 32 млрд долл. Эта цифра приближается к объему американо-африканской торговли, который в 2004 году, по данным американского Госдепартамента, составил 44 млрд долл. и уже практически приблизилась к объему товарооборота африканских государств с Францией, чье влияние на континенте традиционно оставалось очень большим

даже после краха французской колониальной империи. Однако специфика структуры этого товарооборота соответствует общей специфике американской и китайской внешней торговли — если Китай импортирует из Африки всего на полтора миллиарда долларов больше, чем ввозит туда, то США при импорте из Африки в 36 млрд долл. экспортируют туда только на 8,6 млрд. То есть, если Китай имеет практически идеальное сальдо внешнеторгового баланса с Африкой, то США вывозят из Африки товаров на сумму в четыре с лишним раза большую, чем ввозят. Поэтому абсолютный показатель китайского импорта в Африку уже сейчас значительно превосходит американский, что говорит о более быстром освоении Китаем африканского рынка. Это подтверждается и китайским министерством торговли, представитель которого недавно заявил о планах увеличения товарооборота с африканскими странами до 100 млрд долл. в течение ближайших 5 лет. И это при том, что озвученные в ходе последнего визита Путина в Пекин планы увеличения российско-китайского товарооборота до 60–80 млрд долл. к 2010 году были встречены в российских СМИ либо бурным восторгом, либо с серьезным недоверием. Если же сравнить темпы роста товарооборота Китая с Россией и Африкой, то картина и вовсе более чем красноречивая: за 90-е гг. объем торговли Китая с Россией вырос в 2 раза, а с Африкой в 7 раз. Ни с одним другим регионом мира китайская торговля в последнее время не росла так быстро.

Экономические связи не ограничиваются только торговлей. Китай оказывает африканским государствам активную финансовую помощь, осуществляющуюся в форме различных ссуд, займов, списания долгов. Во время недавнего турне по западно-африканским государствам министра иностранных дел Китая Ли Чжаосина были достигнуты договоренности с Либерией о предоставлении ей 25 млн долл. на программы восстановления страны и 5-миллионного беспроцентного кредита сроком на 10 лет. С Сенегалом Ли договорился о списании его долгов перед Китаем на сумму 18,5 млн долл., предоставлении 3,7 млн долл. на восстановление больниц и 10 тысяч образовательных грантов. С Мали, которой Китай еще в 2001 году списал долг на сумму 68 млн долл., было заключено соглашение на 3,7 млн долл. о сотрудничестве в экономической и технической сфере. Кабо-Верде, для которой Китай построил президентский и парламентский комплексы, он выделил беспроцентный кредит на сумму 2,5 млн долл. на достройку столичного госпиталя. А визит Ли в Нигерию совпал с достижением соглашения о крупнейшем инвестиционном проекте Китая в Африке — китайская нефтяная компания SINOOC Ltd. купила 45 %-й пакет акций крупного нефтяного месторо-

АФРИКА ИНТЕРЕСУЕТ КИТАЙ
И КАК ИСТОЧНИК РЕСУРСОВ ДЛЯ
ЕГО БУРНО РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ПРО-
МЫШЛЕННОСТИ, И КАК ПОТЕН-
ЦИАЛЬНО ОГРОМНЫЙ РЫНОК
СБЫТА ДЛЯ КИТАЙСКИХ ТОВАРОВ

ждения в Гвинейском заливе за 2,3 млрд долл. Кроме того, Китай недавно запустил первый нигерийский спутник.

Помимо реструктуризации долгов, которых в общей сложности Китай списал Африке на сумму порядка 10 млрд долл., активно развивается китайская кредитная помощь африканским государствам. Причем, большинство китайских кредитов предоставляются либо на беспроцентной основе, либо под очень низкие проценты. При этом Китай не устанавливает над расходованием выделяемых средств такого тотального контроля, к которому стремятся западные страны и финансовые институты, чем явно привлекает африканские правительства. Впрочем, своей выгоды Китай здесь не упускает. Например, выделенный в 2005 году Анголе китайским «Эксимбанком» 2-миллиардный кредит на реконструкцию железных и автодорог, школ, больниц, оптоволоконных сетей и прочей инфраструктуры, был выдан на 17 лет всего под 1,5 %. Однако по условиям соглашения только 30 % подрядов на строительство и восстановление инфраструктуры правительство Анголы могло распределить между местными компаниями. Остальные же подряды должны были быть отданы работающим в стране китайским фирмам, уже успевшим занять ведущее место на строительном рынке Анголы, как, впрочем, и соседней Ботсваны.

Ежегодный объем китайских прямых инвестиций в Африку исчисляется сотнями миллионов долларов. Причем, хотя больше всего Китай привлекает нефтедобыча, китайские инвесторы вкладывают в Африке миллионы в самые разные отрасли. Год назад в Африке работали 674 китайские фирмы. Основные сферы их деятельности – это горно-рудная, деревообрабатывающая, рыболовная, нефтеперерабатывающая промышленность, строительный и телекоммуникационный сектор, сельскохозяйственное производство. Только китайская государственная компания «China Road & Bridge Corp.» ведет в Африке более 500 проектов. Китайский телекоммуникационный гигант «Huawei Technologies» работает в 39 странах Африки южнее Сахары и в 2005 году подписал в Нигерии контракт на 800 млн долл. на строительство инфраструктуры для мобильной связи. Китайские компании строят дороги и мосты в Эфиопии, Судане, Руанде, Кении, добывают медь в Замбии, алмазы в Сьерра-Леоне, кобальт в Демократической Республике Конго, поднимают тысячи гектаров целины в Танзании, собираются покупать нефтеперерабатывающий завод в Нигерии. В Сенегале китайцы открывают продуктовые магазины, рестораны, караоке-бары, клиники, специализирующиеся на иглоукалывании. В Замбии работают 15 государственных и частных китайских ферм, практически полностью снабжающих овощами столичные рынки. Китай вышел на первое место по импорту маниоки из Нигерии, где в свою очередь работают тысячи китайских фермеров, обучающих местных сельхозпроизводителей культивации риса. 60 % африканской необработанной древесины поставляется в Азию, причем, львиная доля этих поставок приходится именно на Китай.

Все большую роль начинает играть Китай в торговле на африканском континенте оружием. Только военные поставки, связанные с вооруженным кон-

фликтом в Эритрее, принесли Китаю более 1 млрд долл. С Нигерией Китай подписал контракт на поставку военной техники на сумму более 250 млн долл., а с Зимбабве — на 240 млн.

Особенно удачно китайский бизнес в Африке укрепляет свои позиции там, откуда по политическим причинам уходят западные компании. В результате свертывания западной деловой активности в Судане, правительство которого было обвинено в этнических чистках, 13 из 15 крупнейших компаний, действующих на данный момент в этой стране, — китайские. Половину своей нефти Судан поставляет в Китай, которому принадлежат 40 % акций крупнейшей в стране нефтедобывающей корпорации. Попытка экономически надавить на зимбабвийского диктатора Мугабе привела к тому, что Китай стал крупнейшим иностранным инвестором в Зимбабве, чьи запасы платины интересуют китайский автопром. В противовес западной позиции по политической ситуации в стране, Китай поставил режиму Мугабе оборудование для глушения диссидентских радиостанций, а китайские строители построили для диктатора дом за 9 млн долл. Неудивительно, что после этого спикер парламента Зимбабве стал высказываться в том духе, что «пока у нашей страны будут такие преданные друзья, как КНР, она никогда не останется в одиночестве». Учитывая, что проблемы с соблюдением прав человека и коррупцией имеет в Африке далеко не одна только Зимбабве, а Китай последовательно отказывается от увязки этих вопросов с торгово-экономическим и политическим сотрудничеством, под словами зимбабвийского спикера наверняка с удовольствием подписались бы многие африканские лидеры.

О методичности усилий, прилагаемых Китаем для закрепления на африканском континенте, говорит также частота официальных контактов на высшем и высоком уровне между Китаем и странами региона, что уже отмечалась выше. При этом, помимо регулярных встреч на высшем уровне существует еще созданный в 2000 году Форум китайско-африканского сотрудничества, в рамках которого подписаны Пекинская декларация о китайско-африканском сотрудничестве, Программа китайско-африканского сотрудничества в экономической и социальной сферах и Аддис-абебский план действий.

Казалось бы, Африка, которую принято считать «задворками мировой политики и экономики», не заслуживает подобного внимания при рассмотрении изменения соотношения сил основных игроков на мировой арене. Состояние, в котором континент пребывает с момента объединения мира в единую взаимосвязанную систему взаимоотношений, отчасти дает повод для суждений подобного рода. Представляется, однако, что именно эта логика и привела страны Запада к тому, что они, веками со времени включения Африки в глобальную систему, безраздельно господствовавшие на континенте, сейчас неожиданно для себя стали осознавать, что начинают проигрывать Африку Китаю. Речь пока не идет о выводе Африки из сферы влияния Запада и переходе ее в китайскую сферу, но тенденция к подобному дрейфу приобрела устойчивый характер и покоится на так добротном скон-

струированной китайцами базе, что шансы перехватить у Китая инициативу выглядят весьма призрачно.

Важность Африки в системе глобального доминирования Запада систематически недооценивалась ввиду того, что на его позиции там долгое время никто не претендовал. Все изменилось в 60-е гг., когда национально-освободительное движение в Африке привело к созданию на большей части континента на месте европейских колоний независимых государств, а Советский Союз, возглавлявшийся тогда Хрущевым, взял курс на распространение там социалистической идеологии и своего геополитического влияния. США осознали свою ошибку слишком поздно, и в результате были вынуждены платить за нее довольно высокую цену. В свете распространенной тогда в правящих кругах США «концепции домино», прорыв СССР в Африку принес американским стратегам немало головной боли в виде необходимости восполнять серьезные экономические и имиджевые потери. И Генеральная ассамблея ООН на несколько десятилетий превратилась из «машины для голосования США» в «машину для голосования Советского Союза», а с ее трибуны на весь мир полились потоки критики, зачастую весьма резкой, в адрес «американских империалистов» и «неоколонизаторов». По американской идеологии в мире был нанесен серьезный удар. Кроме того, необходимо было ввязываться с СССР в борьбу за «сердце Африки», а это предполагало, прежде всего, многомиллиардные финансовые затраты. Нельзя сказать, что они легли непосильным бременем на американскую экономику, — все же финансовые возможности США и СССР были несоизмеримы. Однако потеря бдительности в отношении Африки однажды уже дорого обошлась Западному миру.

Похоже, сейчас впору говорить о том, что советский урок прошел для США даром. После окончания холодной войны и краха мировой социалистической системы, неизбежно повлекшего уход Советского Союза из Африки, Запад вновь потерял к ней интерес: потоки финансовой помощи сократились. Континент вновь вступил в кризисный период, вновь его отрыв от развитых стран стал увеличиваться. Следовательно, и место для желающего дать Африке новый толчок к развитию в обмен на принципиальное повышение своей роли там оказалось вакантно. Находящийся на подъеме Китай решил воспользоваться этим, а США, как и сорок лет назад, вновь оказались к этому не готовы.

По всей вероятности, первые плоды китайского проникновения в Африку, имеющие глобальное значение, можно будет увидеть еще достаточно не скоро. Но из этого не стоит делать вывод, что китайский «африканский поход» оказался менее удачным, нежели советский. Разница в стратегии, а не в качестве. Советский Союз в 60-е гг. вел с США полноценную холодную войну, основным принципом которой была «игра с нулевой суммой». Поэтому любой прорыв, удававшийся СССР, как правило, отрабатывался немедленно и по максимуму. То есть СССР, установив тесные контакты, например, с Анголой сразу думал не о том, а какую экономическую выгоду мы от этого получим, а как это нам поможет сильнее насолить американцам. Это была скорее тактическая игра, тогда как Китай, в аналогичной ситуации думаю-

ший, прежде всего, о своей долгосрочной выгоде в различных сферах, скорее действует стратегически. Китай, в отличие от СССР, всячески стремится уклониться от роли глобального конкурента США, не идет на конфронтацию, а «сосредотачивается» и копит силы на будущее. Поэтому и счет, открытый им в Африке, долгосрочный – Китай не стремится сразу воспользоваться первыми дивидендами от своего «африканского вложения», что, разумеется, не означает, что оно не окупится. Оно уже начинает окупаться, но Китай не торопится использовать его, а это значит, что, в конце концов, когда настанет время действовать активнее, отдача возрастет.

В России, особенно у старшего поколения, еще не успело до конца выветриться стереотипное восприятие Китая как страны с нищенским уровнем жизни, бедного реципиента советской экономической и научно-технической помощи. Еще недавно Япония, всего пятнадцать лет назад единолично претендовавшая и, по сути, занимавшая место бесспорного лидера восточно-азиатского экономического полюса, слышала со стороны бедного Китая просьбы и требования инвестиций и материальной компенсации за период военной оккупации, и выводила туда примитивное сборочное производство. Совсем немного времени прошло с тех пор, как США рассматривали Китай лишь как одну из разменных карт, хотя и одну из важнейших, в глобальном противостоянии с Советским Союзом, а Европе практически вовсе не было никакого дела до этой страны.

Теперь все иначе. Россия стремится к почетной роли стратегического партнера Китая, Япония, фактически, смирилась с не слишком почетной, но уже практически неизбежной ролью «№ 2» в регионе Юго-восточной Азии, а Западный мир и в первую очередь США все громче бьют тревогу по поводу вытеснения Китаем их с лидирующих позиций в мировой торговле и уже боятся того, что вскоре можно будет говорить о таком вытеснении и в более широком экономическом смысле. А вытеснение единственной мировой сверхдержавы и ее сателлитов с этих позиций, пусть еще не как свершившийся факт, но как устойчивая тенденция, не может трактоваться иначе, чем ускоренное приближение Китая к обретению статуса глобальной сверхдержавы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, что даже с трудом можно пока осознать.

Пентагон уже называет Китай державой, которая наиболее вероятно сможет бросить вызов американскому могуществу в XXI веке. Долгосрочные военные стратегии США уже сейчас начинают ориентировать развитие американских вооруженных сил, прежде всего, на недопущение потери преимущества на тихоокеанском направлении. Политика КНР в отношении развития связей с Африкой и первые плоды этой политики являются одним из весомых аргументов в пользу обоснованности американских опасений за будущее своего мирового господства и яркой иллюстрацией, позволяющей оценить широту и глубину фронта, на котором Китай сейчас наступает на позиции нынешних глобальных лидеров.

Контуры грядущей сверхдержавности Китая трудно очертить исходя из простого сравнения с тем, что представляли из себя США и СССР времен

холодной войны и что представляют собой США сейчас. У каждой страны свой путь к вершинам мирового могущества, всякий раз этот путь сопровождается разными условиями международной среды, специфическими условиями внутреннего развития, национальными особенностями и многими другими факторами.

Нынешний Китай обладает особенностями, отличающими его и от США, и от СССР как в лучшую, так и в худшую сторону. Безусловным преимуществом Китая, которым не обладали ни СССР, ни США, является его огромное население и широкое распространение этнических китайцев по всему миру, и это с течением времени будет только возрастать. Благоприятным, с одной оговоркой, фактором здесь является, в частности, огромное и бедное относительно горожан крестьянское население, постепенный приток которого в города еще на протяжении очень долгого периода сможет обеспечивать Китаю конкурентное преимущество в международном разделении труда и, соответственно, иностранные инвестиции, стимулирующие промышленный рост и торговый профицит с другими странами. При условии, что китайскому правительству удастся сдерживать постепенно растущее недовольство этой огромной массы людей, Китай еще долго сможет развиваться нынешними темпами, побив все предыдущие рекорды продолжительности экономического бума и, в конечном счете, вполне вероятно, все же обгонит США по объему ВВП.

Однако есть у Китая и серьезный недостаток, отсутствовавший у США и Советского Союза. У Китая нет внятной и доступной для любого человека в любой стране мира универсальной интернациональной идеологии. Все знают, что «американский путь» — это путь в царство личной свободы и демократии, а «советский путь» — это путь к равенству, братству народов и избавлению от империалистического гнета. Можно не соглашаться с тем, что так оно в точности на самом деле и было или есть, но это идеалы вечные, бесспорные и востребованные всегда и везде.

«Китайский» же путь — это, видимо, «хорошо работать». Но этого явно недостаточно, чтобы сделать Китай идеологическим маяком человечества. США и СССР тоже в свое время «хорошо работали». США, между прочим, и до сих пор работают неплохо, но, кроме этого, они могли дать практически любому обществу еще и яркую мечту, способную заставить это общество (или его правительство) сделать сознательный, а не насильственный (что, конечно, тоже зачастую имело место) выбор в пользу того или иного лидера и его модели развития. СССР был сверхдержавой с реально действовавшей интернациональной идеологией. США остаются такой сверхдержавой по сей день, хотя надо признать, что в последнее время, особенно в правление Буша-младшего, образ американского «града на холме» существенно потускнел. Но и до нынешних США Китаю в плане идеологии все равно далеко. Китай с его блестящей многотысячелетней историей практически обречен на национальную идеологию, несмотря на марксистско-ленинскую мишуру последних десятилетий. В этом и сила Китая, удерживающая его в моменты кризисов от полного краха и необратимого распада, но в этом и его сла-

бость, тормозящая его экспансию за границы своего цивилизационного ареала в моменты собранности и подъема.

Будет ли Китай, стремясь к мировому лидерству, следовать стратегии заполнения пустот или выдавливания конкурентов? Очевидно, что уже сейчас на примере африканской политики Китая в его действиях можно разглядеть элементы обоих подходов, но видимо, по мере усиления мощи Китая акцент с заполнения пустот будет постепенно смещаться на выдавливание. Будет ли Китай воспринимать свое лидерство только в категориях эксплуатации или еще и в категориях ответственности? Ответственность и предшественникам Китая как-то всегда нравилась и удавалась меньше, чем эксплуатация в той или иной форме, либо вторая выдавалась за первую. Представляется, что Китай, основываясь на своей древней культуре прагматизма и национальной идеологии, может быть, будет делать больший акцент на эксплуатации, хотя опять-таки исходя из древней культуры соблюдения внешних формальностей и приличий постарается сделать ее по возможности менее заметной. Станет ли проблема с формулированием интернациональной идеологии неразрешимой для Китая, и если да, то где и когда настанет предел его нынешнему расширению международного влияния? Возможно, несмотря на все свои сегодняшние успехи и преимущества, идеологический фактор все же помешает Китаю добиться того, на что он может рассчитывать исходя из своих демографических и экономических потенциалов. Однако вряд ли это произойдет в ближайшем будущем.

Пока Китай стремительно выходит во внешний мир, наращивая влияние за тысячи километров и даже морских миль от своих границ. Он начинает создавать стратегии развития отношений с целыми континентами (по некоторым признакам, можно предположить, что за Африкой через некоторое время последует Южная Америка), стремясь развивать сразу с десятками государств «стратегическое партнерство нового типа», что, по сути, означает создание глобальной базы для развертывания в будущем зоны своих стратегических интересов и своего влияния. В первой, и явно не последней, стратегии такого рода (не считая европейскую стратегию 2003 года) Китай уже говорит о «новом международном порядке». Первые кирпичи в фундамент этого порядка закладываются Китаем сегодня в самых разных уголках мира. Принимая во внимание темпы этого строительства, можно предположить, что объект будет сдан в эксплуатацию в весьма недалеком по историческим меркам будущем.